

Борис Корчевников

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА

Оглядываясь в прошлое

Валерий Гаркалин
Дмитрий Киселев
Владимир Меньшов
Владимир Соловьев
Дмитрий Дюжев
Мария Кожевникова
Елена Серова
Карен Шахназаров

Константин
Меладзе
Евгений Попов
и Ольга Скабеева
Ляйсан Утяшева
Алексей Нилов
Алла Демидова
Ирина Скобцева

Эвелина Бледанс
Евгения Крюкова
Денис Матросов
Ирина Круг
Елена Ксенофонтова
Захар Прилепин
Юрий Лоза

Борис Вячеславович Корчевников

Судьба человека.

Оглядываясь в прошлое

Серия «Борис Корчевников.

**Книги на основе рейтинговой
программы «Судьба Человека»»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63966061

Судьба человека. Оглядываясь в прошлое / Борис Корчевников: Эксмо;

Москва; 2021

ISBN 978-5-04-113765-6

Аннотация

Казалось бы, зрители знают о своих кумирах всё. Но Борису Корчевникову каждый раз удастся взглянуть по-новому на жизнь и судьбу героев. Как они шли к успеху, какие трудности им приходилось преодолевать, как «падали и поднимались»?

Гости программы с искренностью на грани исповедальности открывают сокровенные тайны Судьбы... Судьбы человека.

Владимир Меньшов, Дмитрий Киселев, Дмитрий Дюжев, Владимир Соловьев, Карен Шахназаров, Константин Меладзе, Ляйсан Утяшева.

Люди разных поколений, профессий и взглядов на жизнь — на страницах этой книги предельно откровенно расскажут о том, чего стоил этот успех.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	6
Валерий Гаркалин	10
Дмитрий Киселев	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Борис Вячеславович Корчевников Судьба человека. Оглядываясь в прошлое

© Телепрограмма «Судьба человека», ВГТРК, 2021

© Корчевников Б.В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Жизнь человека, его судьба – это целая вселенная. Взлеты и падения, минуты счастья и годы разочарований, преодоление тяжелых препятствий и внезапная, будто посланная свыше, удача – все это формирует уникальный характер героев программы Бориса Корчевникова. Он, сам прошедший через трудности, глубоко понимает своих гостей, и они рассказывают самое сокровенное, то, что прячется глубоко внутри. Владимир Меньшов, Дмитрий Киселев, Дмитрий Дюжев, Владимир Соловьев, Карен Шахназаров, Константин Меладзе, Ляйсан Утяшева... Люди разных поколений, разных профессий, разных взглядов на жизнь на страницах этой книги предельно откровенно расскажут о том, чего им стоил их успех.

Предисловие

Это было пятнадцать, нет, больше, лет назад. Я работал репортером в новостях и заметил, что своей жизни у меня толком уже нет. Только жизнь других. И, кажется, в какой-то далекой и не самой уютной командировке я нашел ответ на вопрос, зачем это делать, зачем вообще приходить в эту профессию – только если эта жизнь других тебе искренне интересна и важна.

Митрополит Антоний Сурожский говорил, что каждый человек – это икона. Иногда этот образ осквернен, иногда на нем много других, лишних, исказивших его слоев, но от этого он не перестает быть иконой. И наша задача – слой за слоем – открыть первоисточник в человеке, его истинный образ, в котором всегда будет отражение Бога. Это правило, с которым мы делаем «Судьбу человека».

Это программу делает команда, умеющая подобрать ключ к самым разным людям. А вы видите в эфире на канале «Россия 1» и увидите в этой книге, что одинаковой резьбы здесь не бывает. Всякая судьба не похожа на другую. Каждый человек – это не схожие ни с кем больше дух, интонация и частота.

Иногда, когда получалось оказаться на совсем-совсем одной частоте с человеком – тогда происходило что-то, что нам всем, кто делает этот проект, очень сложно объяснить. Мы

начинали получать ответы на вопросы, которые даже не решались задать. Мы слышали пронзительные исповеди людей, которые, казалось, нужны были больше им самим.

И после таких программ мы вставали – я со своего места в студии, редакторы и продюсеры со своего места в аппаратной – другими людьми... Обожженными (ударение можно поставить и на вторую «о», и на «е») искренностью человека. Потому что чужая Правда и чужое Настоящее – это всегда Правда и всегда Настоящее и о тебе самом.

Спасибо огромное Олегу Добродееву, Антону Златопольскому и Игорю Шестакову, так тонко почувствовавшим этот проект еще до его рождения... Ольге Никишиной, собравшей и уже много лет держащей в нужном духовном и рабочем состоянии нашу команду и меня. Много раз, когда, казалось, здоровье не разрешит мне продолжать работу в прежнем ритме, именно Оля настаивала на том, что работа как раз, наоборот, поправит здоровье. И была права.

Спасибо генеральному продюсеру ЕМГ Алексею Куренкову, моей названной сестренке Наташе Долиденюк, придумавшей для проекта название «Судьба человека» и ругающей меня, если я не обнял в кадре человека, которого очень хочется обнять ей самой. Нашим шеф-редакторам Ане Тихомировой, Ире Думчевой, Максиму Мельникову, Юле Дедловской, Ладе Пугатовой. Нашим исполнительным продюсерам Льву Нечаеву, Маше Егоровой и Саше Крикуновой – за их родительскую заботу, которая заставляет нас всех чув-

ствовать «Судьбу» своим домом.

Спасибо линейным продюсерам Екатерине Моисеевой, Дмитрию Баландину и Елене Зайцевой. Спасибо выпускающему продюсеру Ларисе Полевой – ее профессиональные и человеческие качества делают ее уникальной, а меня – в любой ситуации спокойным. Я всегда знаю, что под ее рукой и глазом и мои огрехи, и огрехи гостей станут достоинствами. Спасибо всей команде Ларисы – монтажерам, режиссерам и редакторам монтажа, которые монтируют проект уже четвертый сезон подряд!

Спасибо Вике Ромашкиной, Лене Андреевской, Боре Хлебникову, Ане Айвазовой, Лене Пяской – нашим редакторам по гостям, от работы и душевной чуткости которых зависит, в каком состоянии герой зайдет в студию, а ведь некоторых гостей «Судьбы человека» мы уговаривали по несколько лет! Спасибо видеоредакторам Марианне Манукян, Жене Фадеевой, Лене Фроловой, Юле Черентаевой и Дарье Высотской – видео и фото из судьбы – это еще один ключик к сердцу человека. Они подбирают его так мастерски, что от фрагментов на экране очень часто на глазах гостей появляются либо слезы, либо изумление. Спасибо гениальным Маше Серебряковой и Леше Кабакову, которые в самые главные начальные 2,5 минуты проекта вкладывают целую огромную жизнь героя – это надо уметь! Спасибо нашим режиссерам Жене Лисовскому и Оле Трофимовой, звуко-режиссеру Александру Белоусову, оператору-постановщику

Антону Дриго и его команде. Спасибо нашим дорогим идеальным женщинам с каким-то феноменально-восхитительным вкусом Ире Наумовой и ее команде костюмеров и Даше Сайгиной – за годы проекта они много раз спасали мой внешний вид в самых, казалось бы, безвыходных ситуациях, даже когда я был с флюсом. Впрочем, флюс был меньшей из всех пережитых нами проблем, над которыми мы умели и умеем посмеяться.

Спасибо Марине Сотниковой и Юлии Гусенковой – от рук этих женщин зависит очень много, потому что это последние руки, в которых оказывается гость программы перед выходом на сцену. Марина и Юля должны не только загримировать его лицо, но и в каком-то смысле разгримировать душу.

Спасибо нашему администратору Любе Чудаковой и широкой душе атмосферы «Судьбы человека», гаранту порядка на площадке и в наших головах – нашему исполнительному продюсеру Андрею Демину и его команде.

И отдельное спасибо главному режиссеру канала «Россия 1» – Дмитрию Грачеву. Я знаю Диму ровно столько, сколько работаю на телевидении – со своих одиннадцати лет, и он тогда уже был очень классный. И как же гениально он придумал всю атмосферу и сам воздух «Судьбы человека». Проекта, который складывается судьбами и трудом очень-очень многих людей, которым важна жизнь других. А раз вы держите в руках эту книгу, значит, они и вам важны.

Борис Корчевников, телеведущий

Валерий Гаркалин

Знаменитый актер Валерий Гаркалин... Его путь к славе был очень долгим, еще более долгой была его жизнь с его любимой женой Катенькой, как он нежно ее называет. Много раз Катя спасала его с того света, доставала просто оттуда, спасала ему жизнь. А когда Гаркалин был спасен, умерла сама Катя, скоропостижно. Прошло уже много лет, но Гаркалин говорит, что не чувствует себя вдовцом и учится жить без нее. Что скрывалось за фасадом их семейного счастья? В чем Гаркалин винит себя? И что хотел бы исправить в своей судьбе, в судьбе Валерия Гаркалина?

Борис Корчевников, телеведущий

— Как выяснилось, человеческая жизнь короткая, но меня учили классики, что время лечит. Это неправда. Я не могу забыть эти глаза, не могу забыть ничего, что связано с этими глазами. Каждый сантиметр нашей с ней жизни до сих пор во мне, живет полноценной жизнью и не собирается притупляться, со временем проходить.

Я до сих пор не знаю, где что в доме, не ориентируюсь. Иногда мысленно спрашиваю: «Катя, куда ты положила вот ту вещь?» Я продолжаю с ней вести диалог. Дом наполнен ею, дом наполнен ее смыслом.

Когда мы с Катей играли свадьбу, я дурачился, не прида-

вал этому серьезного значения...

Вина всегда будет сопутствовать нам, каждому из нас, кто потеряет близкого человека, потому что это чувство приходит на смену чувству утраты. И эта вина очень расплывчатая. Она не имеет конкретной причинно-следственной связи. Вина в том, что ты потерял этого человека, не уберег. И это ощущение, оно до сих пор во мне живет, я до сих пор винюсь. Ведь Катя же умерла от рака. Моя Катенька... ей никто не помог, и я в том числе. Катин рак был неизлечим, хотя, как известно, если вовремя спохватиться, то есть шанс выжить. Я понимал, что Катя больна, но я не знал, насколько серьезно, потому что в этот период я сам тяжело заболел.

Это случилось как раз на гастролях с Таней Васильевой и Сашей Феклистовым. Мы играли спектакль по пьесе Петра Гладиллина «Ботинки на толстой подошве». И, играя, я вдруг понял, что теряю сознание, падаю, падаю, падаю, падаю. И Таня понимает, что что-то происходит непоправимое, и оттаскивает меня за сцену. И падаю я, значит, на сцену, меня оттаскивают, но я поднимаюсь и кричу: «Таня, куда ты тащишь меня, я еще монолог недосказал...» А она: «Тебе уже не надо играть». И Таня просто тащила меня за волосы. Меня тут же посадили в машину и увезли.

Это был обширный инфаркт передней стенки. А через полчаса, когда меня положили на операционный стол, случился второй обширный инфаркт, но уже задней стенки. Сердце разорвалось просто. И когда они начали делать стен-

тирование, то есть расширять сосуды, то оторвался тромб. Он дошел до основания сердца, и я умер.

Если бы он вошел в само сердце, то я умер бы бесповоротно. Я перестал дышать, но врачи начали заводить мое сердце. И этими «утюгами» они меня заводили три или четыре раза. И в конце концов на третьей минуте я открыл глаза, к удивлению врачей. Они поняли, что произошло что-то невероятное. Один инфаркт должен был унести мою жизнь, следом второй, да еще и тромб. И вдруг я открываю глаза и говорю: «А в чем дело?» Как ни в чем не бывало, с разорванным сердцем... Очень искусаительный момент рассказать какую-то красивую историю, вроде рассказов тех, кто пережил это. Я так хотел, чтобы был этот опыт. Мне так хотелось бы тоннель, чтобы архангелы пришли. Ничего этого не было. Мне так было обидно, что я умираю, а ничего рассказать толком не могу. Но скажу о самом главном, может быть, об этом мало кто говорит, потому что это трудно описать, – это напоминает любовь. Мы занимаемся поисками этого чувства, которое я пережил там. Мы ищем каждую секунду своей жизни и не находим, а там его океан, просто океан. Он обнимает, он живой. Самое потрясающее, что боли нет, и я вспомнил Экклезиаста – там есть замечательные слова: «И боли не будет, ибо она уже была». И вот я пережил этот момент с каким-то удивительным счастьем любви и что боли уже больше никогда не будет. Вообще жизнь – это сплошная боль – и физическая, и моральная, какая хотите. А там ее не будет,

вот что я вам обещаю.

Я пережил два инфаркта с клинической смертью, с тромбом. Катя была рядом со мной, все ее силы и вся энергия были направлены на то, чтобы спасти мою жизнь. Теперь я уже знаю, что она тоже обследовалась и диагноз был поставлен, но мне об этом, конечно, никто не сказал. Я узнал уже незадолго до того, как Катя ушла из жизни, когда она уже была в реанимации, что у нее есть какое-то злокачественное образование, но раком никто не называл эту болезнь. То ли они меня щадили, то ли еще что-то, я не знаю. Я до сих пор в этом мало что понимаю и даже плохо помню, когда я стал подозревать что-то неладное. Единственное, за полгода до того, как случиться беде, я заметил в Кате едва уловимые изменения. Она стала худеть. Как мы этому радовались, ведь Катя всегда мечтала постройнеть. Когда она проходила, где было много мебели, и задевала эту мебель, я ей говорил: «Ты ведешь себя как „Бронепоезд 14–69“, потому что я, например, прежде чем где-либо пройти, задумываюсь: а пройду ли я там? А как у тебя, Катя?» Она отвечала: «А я не задаюсь таким вопросом, я думаю, что пройду». Я возражал: «Ну, знаешь, для таких случаев есть зеркало». Она не сдавалась: «Да, но в зеркале все врут». Я: «Почему?» – «Потому что там я блондинка с высокими ногами и пройти могу...» И поэтому, когда начался процесс похудения, то мы это восприняли как замечательную радость. Останется только покрасить волосы в белый цвет и – блондинка с высокими ногами. Конечно,

это надо было принять за первый признак беды, а мы, точнее, я его не заметил. Теперь я уже знаю, что Катя скрыла от меня то, что скоро уйдет.

Катя ушла через полгода. У меня было такое чувство, что она очень сильно переживала то, что произошло с Валерой. Мне кажется, это была психосоматика. Катя так хотела, чтобы он жил, что отдала свою жизнь. Она тогда очень похорошела, похудела, превратилась в какую-то необыкновенную красавицу, но мы же не знали, что это онкология. Как будто бы Катя была счастлива от того, что с Валерой все хорошо. Вообще она была очень мудрой, была подспудным руководителем даже. У нее было потрясающее чувство юмора. Например, мы же соседи, и Катя была очень хлебосольная и любила покупать продукты. Тащила за собой такую тележку на колесиках, проходила, естественно, мимо моего подъезда, звонила мне, говорила: «Иришка, я здесь». И мы махали друг другу, я ей из окна говорю: «Заходи». Она говорит: «Нет, я не могу, я с тележкой, видишь, я должна Валерочку кормить». Она называла его «Валерик». Конечно, ее уход – это страшная трагедия. Я знаю, что Валере до сих пор очень плохо. Обычно много цветов нам дарят, и, если это другой город, не всегда есть возможность перевозить эти цветы в Москву. Мы раздариваем их людям, которые нас принимают. Валера всегда оставлял цветы и первое, что он делал, прямо с поезда ехал на

кладбище, чтобы положить их Кате.

Ирина Цывина, заслуженная артистка РФ

– Перед самой смертью она написала мне письмо, и в нем вся Катя. Прощаясь со мной, она написала: «Единственное, что я могу сказать, Валерик, ты всегда приносил мне только одну радость». И я счастлив, что я имел такую жену, которая, уходя из жизни, думала не о себе, а о любимом человеке.

Она скончалась 15 февраля, и впереди были праздники 8 Марта и 23 Февраля. А Катя страдала манией подарков. Она покупала пакетики, собирала туда какие-то безделушки – это Гале, это Оле, это Саше, это Пете. После ее смерти я находил эти пакетики в квартире...

Умерла Катя в больнице. Позвонили дочери Нике, и она еще полдня скрывала от меня. Все боялись за мое сердце. Представляете, Ника полдня жила вместе со мной и знала, что мамы нет. Она вообще прекрасная девочка. Ника – то самое яблочко, которое недалеко откатилось от яблоньки. Она очень просто сказала: «Мамы больше нет». Я почему-то ни тогда, ни сейчас не помню, чтобы я это предчувствовал.

У меня есть дочка, и это огромное счастье. В самом начале моей жизни с Катей лет шесть мы не были уверены, что сможем родить. То есть уже висел такой приговор, что ни Катя, ни я не дееспособны в этом смысле. И однажды я приехал с гастролей, она мне говорит, что очень плохо себя чувствует, что-то с желудком. И я сказал Кате: «Надо идти к врачу». Я, как сейчас помню, в Симферополе, набираю ее по

телефону-автомату и говорю: «Катенька, ты была у врача?» Она: «Да, Валерик. Я беременна, понимаешь...» Я: «Катя, перестань, у меня осталось 15 копеек, а ты... Какая беременность? Что сказал врач?» Она: «Врач? Вот врач и сказал, что я беременна». Я: «Ты будешь долго издеваться надо мной? У меня больше монет вообще не остается». И вдруг «пик-пик-пик». Вот так я узнал о том, что у меня родится дочь. Мы называли ее Никой только по одной причине: мое имя – отвратительное как отчество. Например, Сергей Валерьевич, пока произнесешь... И это Катина была идея придумать короткое имя, чтобы успеть выговорить отчество. Тогда мы придумали вот это: «Ника Валерьевна». Тем более что тогда это было модное имя. Я помню, тогда Неелова родила себе Нику.

Когда родилась дочка, я ушел в декрет, потому что понимал, что девочка растет, а я не вижу, как она это делает. Катя работала, и два года я находился в декретном отпуске. А потом я стал преподавать в ГИТИСе...

Кстати, сам я был нежеланным ребенком для отца. Там были очень сложные отношения с мамой. Отец вообще был очень красивым человеком. Но эта красота его и сгубила. Он женился на другой женщине, когда мама меня родила, но мама так любила папу, что все-таки вернула его... Отец по-своему меня любил... Но общался со мной сухо, практически никогда не хвалил. И ни о каких разговорах по душам у нас с ним не могло быть и речи. Вообще в ту эпоху, когда мы родились и жили, в советские времена, не было прилич-

ным выражать свои чувства. Наоборот, надо было тщательно их скрывать. Мамы не стало в 1994 году, буквально за год с небольшим до «Ширли-мырли».

Познакомились мы с Катей в Театре кукол Образцова. Она пришла туда работать педагогом-методистом, когда я был студентом Гнесинского училища. Сергей Владимирович Образцов позволил Леониду Абрамовичу Хаиту, моему учителю, набрать курс, где занятия проходили в стенах этого прославленного тогда театра под руководством самого Образцова.

Если бы нас поймали с поличным с тем, что преподавательница сожительствует со студентом... То Кате бы не поздоровилось, да и студенту тоже. Поэтому мы тщательно скрывали наш союз. И так как мы завтракали вместе, просыпались вместе и приходили в театр вместе, то мы решили, что, подойдя к зданию театра, Катя должна отойти чуть-чуть вперед, а сам я, якобы опаздывая на занятия, забегаю в театр. Мы продумали целый сценарий, душераздирающий фильм. Но как бы мы ни хотели, все равно жизнь делает свои более талантливые сценарные заявки, чем это может сделать человек.

Мы должны были подниматься оба на четвертый этаж на лифте. И когда мы в него заходили – это было просто каким-то роком, – там обязательно был кто-то еще. И здесь уже Катя проявляла чудеса актерского мастерства. Она не училась нигде этому, но она блистательно и очень убедительно

тельно говорила: «Здравствуйте, Валерий...», а я отвечал: «Здравствуйте, Екатерина Викторовна». Она: «На занятия?» Я: «Да, Екатерина Викторовна». И дальше она говорила: «Учитесь хорошо». И тут двери раскрывались и: «Спасибо, Екатерина Викторовна, за заботу», – отвечал я. Мы... увы, расходились. Потом вечером мы обсуждали это. Я возмущался: «Что ты несешь, Катя? „Учитесь хорошо!“». Но потом понимал, что она это делала все, так сказать, в целях конспирации...

Понимание, что можно больше не скрываться, пришло, когда я окончил училище и получил диплом. Тогда мы объявили о своей женитьбе. Третьего июня, как сейчас помню, мы расписались в московском загсе, а пятого июня я выехал в город Кемерово – поехал вместе с курсом в театр «Люди и куклы». Катя не могла бросить Театр Образцова, потому что она с трудом попала в него и очень любила то, чем она занималась там, но также сильно любила и меня... И ей надо было что-то делать. Тогда она попросила отпуск за свой счет на два месяца, на июль и на август, и отправилась туда, где проходили наши гастроли – по городам и весям Западной Сибири. Катя вместе с нами проделала этот путь. Так она вошла в историю нашего ансамбля «Люди и куклы» как «жена декабриста». После декабристок она вторая, кто повторил подвиг этих женщин.

Рано или поздно у кого-то всегда появляется человек. Он мог появиться и у Кати, он мог появиться и у меня. Я не

хочу об этом вспоминать, надо просто не забывать, что за все придется платить.

У него был очень бурный роман на стороне. Он все со мной советовался и со всеми советовался, потому что уже ничего не соображал. Это уже была какая-то мания! Просто вот хватал людей, заволакивал к себе в гримерку и начинал рассказывать и спрашивать: «Ну она меня любит? Ну как ты думаешь...» Люди не понимали, о чем он говорит даже. И в конце концов эта девица пришла к Кате. Я думаю, что Катина болезнь и ее быстрый такой уход – это еще стресс сильнееший по женской линии. Я, например, тоже была влюблена в него по-настоящему, не только как в партнера. И у нас были отношения на грани, которые могли перерасти во что-то другое, но была Катя, и этим было все сказано.

Татьяна Васильева, народная артистка РФ

– Я один справился, не подключал к этому Катю. Я думаю, что она мало что знала. У каждого своя судьба, и она не должна повторять другую. Каждый раз, когда я произношу фразу «сколько Катенька натерпелась от меня» – я имею в виду этот эпизод.

Вообще Кате нелегко пришлось со мной. Была история во время съемок фильма «Белые одежды». Это был период трудной работы над ролью, и приходилось сниматься очень и очень много. И, естественно, любовь к вечерним посиделкам, выпивкам, друзьям, которые были вокруг меня... Актеры были блистательные, но любители посидеть с горячи-

тельным.

Над картиной работали белорусские кинематографисты, и все основные съемки проходили на «Беларусьфильме»... Мы все время курсировали между Москвой, Минском и Петербургом. Я иногда приезжал и не понимал, в какой город я вообще прибыл... Однажды Кате нужно было передать мне билет, и мы улетали на гастроли в Варшаву с театром-студией «Человек». Но когда она проходила мимо группы веселых артистов, приехавших из Минска, среди которых был я, она меня не узнала. Так я выглядел, так я «снялся» хорошо. «Я видела тебя, мне казалось, что это ты, но, когда я стала подходить ближе к тебе, я поняла, что это не ты. Ты не можешь так выглядеть ужасающе». Есть люди, которым нельзя злоупотреблять, потому что такого человека трудно потом узнать. Вот таким был я в тот день.

Все с самого начала знали, что у Валеры есть Катя. Она была свидетелем всех наших успехов и неудач. Вообще если честно говорить, то Валеру сделала Катя. Она – это такой взгляд на жизнь, когда борешься с проблемами с улыбкой. И мне кажется, что Катя и Валерке этот взгляд привила. Она всегда была спокойной. Даже когда он выпивал, Катя мне однажды позвонила и говорит: «Клара, ты Валерушку сегодня видела?» Я говорю: «Да». Она: «А ты не знаешь, он как?» Я: «Ну, Катя, ты знаешь, мне кажется, что он сегодня немножко этого...» И мы его тогда искали и нашли рядом с ГИТИСом на скамеечке. Это была

Катина боль. И я никогда не слышала, чтобы она на него орала.

Клара Новикова, народная артистка РФ

– Сказать, что мы никогда не ссорились, – это было бы неправдой. Мы, конечно, ругались, и зачастую даже серьезно, основательно, как это бывает в нормальных человеческих отношениях. Просто Катя действительно никогда не повышала голос, у нее не было этой манеры. Она абсолютно тихо, спокойно могла выяснять отношения, хотя иногда это было пострашнее, чем если бы Катя кричала. Она не топала ногами, не била кулаками, но иногда могла так посмотреть – тихо и спокойно, улыбаясь, – что становилось жутко, стыдно. Хотелось уйти и встать в угол. Я ее в сердцах иногда называл «недобитая Сухомлинская», потому что Катя окончила Ленинский педагогический институт и много лет проработала педагогом. И она не то чтобы поучала, назидала, но так мягко учила жизни. Мне это нравилось.

Вообще впервые я сорвался с катушек в плане алкоголя после фильма «Катала», где я сыграл первую большую роль. Я снимался в этой картине уже взрослым человеком, мне там чуть ли не 50 лет... И вот все эти годы – во время «Каталы» и потом – все эти годы мне удавалось скрывать пристрастие к алкоголю от Кати.

Что греха таить, я – алкоголик. Это психическое расстройство. Алкоголизм – это не страсть к выпивке, это зависимость от нее. И есть люди, которым нельзя этого делать. Я

это понял только после клинической смерти.

Через год после того, как якобы меня закодировали за какие-то бешеные деньги, Катя говорит: «Давай будем повторять эту кодировку, раз ты справился с этим?» Я говорю: «Катя, заплати мне, и я закодирую и тебя, и себя...» Эти кодировки полная туфта.

Но, кстати, в «Ширли-мырли» я совладал с зависимостью. Я был абсолютный, стопроцентный трезвенник. Эта роль у меня случилась тоже благодаря Кате. Дело в том, что Владимир Валентинович Меньшов, когда приступил к съемкам, первое время не очень был уверен в том, что он правильный сделал выбор, когда пригласил меня. Он с таким лицом смотрел на мои потуги актерские... И я Чуриковой однажды сказал: «Инна Михайловна, я чувствую, что меня Меньшов не любит. Понимаете, он меня не любит. Он меня снимает...» И вдруг она не выдержала и говорит: «Что ты тут сопли развесил? Иди и скажи ему, как мужик мужику». Я не знаю, что было в этой фразе, я выскочил из гримерки, и, на беду мою, по пустому коридору тогда не снимающего «Мосфильма» шел Меньшов, и я закричал ему: «Вы не любите меня!» А он замечательный в этом смысле партнер. Он упал на колени и пополз ко мне... И начал кричать: «Я люблю. Я люблю тебя». А я говорю: «Не любите!» – «Нет, люблю!» – «Нет, не любите меня!» – «Люблю». И это наблюдала Чурикова, она каталась по полу просто. И он, значит, потом в конце концов говорит: «Ну а в чем, скажи, ладно, если уж так начисто-

ту, по-мужски, в чем должна выражаться моя любовь?» И я очень просто говорю, как меня учила Катя: «Вы Валерика не обижайте... Когда стоите у камеры, а Валерик играет, надо улыбаться...» И если бы у меня была возможность написать себе юному письмо, я бы сказал: «Дорогой Валера, ты счастливый человек – в твоей жизни была Катя!»

Дмитрий Киселев

Знаменитому журналисту Дмитрию Киселеву все время припоминают фразу: «Россия – единственная страна в мире, которая способна превратить в радиоактивный пепел Америку». Да еще ему вспоминают кучу других афоризмов, описывающих нашу жизнь последних лет. За многие из них и за его позицию его включили в санкционные черные списки очень многих стран мира. Он невыездной, да он никуда и не торопится уезжать. Уже нашел себя здесь, во многом благодаря женщине, которую он крепко держит за руки. Женщине, которая стала его судьбой. Это судьба человека, судьба Дмитрия и Марии Киселевых.

Борис Корчевников, телеведущий

В 2005 году я построил там дом из металла, из сэндвич-панелей, из которых строят картофельные склады в Голландии, это самая быстровозводимая конструкция. Фундамент был заложен без Маши, но стены мы возводили уже вместе. Я строил дом холостяка, а потом в нем оказалась многодетная семья.

С Машей мы познакомились в 2003 году в Коктебеле. Но мы два года называли друг друга на «вы» и смотрели друг на друга издалека. Это было знакомство в лучших романтических традициях. У меня была надувная лодка, которую я

притащил из Киева, я зашел с моря и мне негде было причалить. Я был очень крутой на этой белой лодке. Подхожу и смотрю, стоит красивейшее, божественное создание в пляжном облачении – в купальнике. И я спросил: «Нельзя ли причалить здесь?»

Я была замужем, у меня был сын. И мы из Москвы приезжали в Коктебель на все лето – у нас было собственное жилье на самом берегу. Я там была несколько лет подряд до Димы. И, конечно, я сказала ему: «Причаливайте!» А дальше смотрела, как они кувыркались с этой лодкой и не могли ее никак привязать. И, в общем, я пожалела их, подошла и посоветовала попробовать по-другому. И сочетание купальника с интеллектом произвело еще большее впечатление.

Мария Киселева, жена Дмитрия Киселева

– Мы пришли с реки, с Днепра. И нам надо было разобратся с морским прибором. Маша – морское создание. Она посоветовала, как лодку привязать так, чтобы ее не било, сказала, что нужно сделать петлю под носом лодки, она будет амортизировать. Я так посмотрел на нее и подумал: «Ничего себе!» На меня это произвело впечатление.

А дальше начался долгий период общения на «вы». Мы были просто малознакомыми людьми. Когда Дмитрий приезжал на лето, проводил фестиваль, мы

общались.

Мария Киселева, жена Дмитрия Киселева

– Я в большинстве случаев общаюсь на «вы», автоматически, чтобы без этого панибратства. Так я был воспитан в семье, родители так обращались. Это нормально, доброжелательно. Маша была, безусловно, симпатичной и вызывала большой интерес, но я не планировал разрушать чьи-либо семьи.

У меня был богатый опыт. Я не первый раз женат, но это мой образцовый, лучший и последний брак, такой чемпионский абсолютно. И я знаю, почему люди расстаются. Потому что они развиваются с разной скоростью в разных направлениях. Если они не могут вместе развиваться, то отношения дают трещину, и все как-то уходит. Когда нет общей траектории. Моя версия такова, что у Маши тоже такая штука произошла.

Да, это похоже на правду. Я десять лет была в браке. Сыну Феде было четыре или пять лет. И никаких ярких проблем не было. Но действительно было несходство в представлении о будущем. То есть мне хотелось каких-то сложностей в жизни, какой-то самореализации, стать психологом... А моему супругу хотелось больше вести спокойный образ жизни. И это, наверное, стало причиной. Сначала супруг воспринял мой уход очень тяжело. Он не верил, что я ухожу и что я не вернусь.

Мне тоже было очень непросто.

Мария Киселева, жена Дмитрия Киселева

– Кстати, бывший супруг Маши – Митя – человек очень харизматичный, приятный, доброжелательный. И у меня с ним сохранились хорошие отношения. Понятно, что мы не проводим время вместе, но тем не менее взаимопомощь – это про нас.

В какой-то момент я сделал Маше совершенно конкретное предложение, от которого нельзя было отказаться. Я сделал его женщине, которая была замужем, но я подозревал, что имею для этого основания, поскольку у этой семьи, я был в этом убежден, не было будущего. Я это понимал, потому что мы до этого общались несколько лет и с Митей, и с Машей. То есть я просто видел эту историю. С супругом Маши мне не пришлось объясняться. А что объясняться? Это выбор женщины, в конце концов. Я не собирался никого травмировать. Это было решение Маши, вот и все. А с Митей мы общаемся, он остался прекрасным отцом. И я тоже вношу большой вклад в развитие Феди. И Маша относится к моему старшему сыну очень благожелательно. Наша семья сегодня – это Глеб, Федя, Костя и дочка Варвара.

В какой-то момент я поняла, что не смогу отказать Диме. И мне стало очень страшно. Я помню эту минуту, когда мы сидели в фитнес-клубе, завтракали и Дима сказал: «Я принял решение, ты переезжаешь ко мне». И была коронная фраза: «Федя будет в порядке!»

Потому что я больше всего боялась за Федю, за своего сына. Даже технически – мы жили в городе, а нужно было переезжать за город. Я уж не говорю о психологической травме. И я поняла, что не могу сказать «нет», не могу, и все. И приняла внутреннее решение. Но ответила: «Я подумаю». Потом был долгий период, пока я думала. Но, конечно, я решила все в один момент. Просто было сложно решиться на разговор с Митей. Потом он состоялся с большой ссорой. Я уехала с Федей. Утром я приехала обратно. Мои вещи были порезаны ножницами. В общем, конечно, у меня было большое чувство вины за происходящее. Потом был бракоразводный процесс. Но время показало, что я была права.

Мария Киселева, жена Дмитрия Киселева

– Через два-три месяца я сказал: «Поехали в загс». Мы не собирались устраивать какое-то большое свадебное шоу. Я говорю: «Садись на мотоцикл и поехали распишемся». Маша отвечает: «Я никогда не ездила». Я убедил: «Ну, не хочешь, не езжай. Сзади со мной садись, и мы поедем расписываться».

Маша считает, что на мотоцикле я гоняю. А я не гоняю, а езжу. Но иногда с московскими хулиганами цепляемся, так сказать, чтобы мне сзади никто не гудел. Это называется междурядье – фильтрация через пробку. Мой голос, я думаю, был одним из весомых, когда обсуждалось, запретить ли езду на мотоцикле между рядами или нет. Я сказал: «Ни

в коем случае! Потому что тогда я опоздаю на эфир».

Раньше я на работу ездил на мотоцикле, сейчас – меньше. Теперь езжу уже на быстром электросамокате – современная фишка появилась. Он разгоняется до скорости 65 километров в час. Это шикарная история, но мотоциклы я очень люблю.

У меня два мотоцикла. Один из них мемориальный, на котором мы ездили в загс. Есть несколько шлемов и каска для самоката. Для меня мотоцикл – это средство передвижения, во-первых. А во-вторых, это такое чувство свободы и это спорт. Я сел на мотоцикл в 49 лет и занялся мотокроссом, тренировался с чемпионом Союза. А 50 лет я уже встречал на костылях – у меня две связки порвались на правой ноге. 28–29 декабря в глубоком снегу на мотокроссе я затормозил в повороте, выставил ногу и услышал «щелк, щелк». Но такая есть пословица: «Кто не падал, тот не поднимался».

Все увлечения моих мальчиков в основном опасны. Дима тоже среди них. Но я понимаю, что каждый человек хочет прожить свою жизнь. И им это нравится. Их жизнь будет не их жизнью, если я им все буду запрещать. Скажу честно, мне сложно. Сiju и прислушиваюсь, едет ли мотоцикл, едет ли лифт. Я волнуюсь за них постоянно.

Мария Киселева, жена Дмитрия Киселева

– Я Федю отдал в мотокросс, он успешно выступает на соревнованиях, в том числе всероссийских. Федя сам захо-

тел, и я его благословил. И с Костей маленьким – то же самое. Моя логика была в том, что: «Все равно сядет когда-нибудь. Но если сядет сам, то, не дай бог, что-то случится. Лучше он сядет с тренером, научится, почувствует, попадает в защите, в экипировке, профессионально будет ездить. Ну а там дальше будет уже его выбор». У патриарха Кирилла есть прекрасная чеканная формулировка: «Внешнее правило не работает, если нет внутреннего». И Маша как раз действует по этому принципу. Она создает внутреннее правило и внутреннюю ответственность: «Надеюсь, ты понимаешь, что делаешь?» Это вот такая формула.

Ну, естественно, если у человека есть внутренний стержень, он на это откликнется.

Мария Киселева, жена Дмитрия Киселева

– Некому было сказать мне эту фразу, когда я в 49 лет сел на мотоцикл. Я абсолютно безбашенно к этому отнесся. Я тогда уже 10 лет занимался верховой ездой, и довольно серьезно. Прыгал конкуры с мастерами спорта, проходил дерби в Киеве и даже занимал приличные места. По-моему, я занял седьмое место в киевских дерби, а сын Глеб занял шестое. И это на чужих лошадях, своих мы только потом туда привезли. Поэтому я себя чувствую очень уверенно верхом. Ведь это моя детская мечта. Мы всегда хотим реализовать то, о чем мечтаем с детства. И поэтому потом я попробовал сесть еще и на железного коня.

В моей балаклаве для мотогонок есть дырка для курения.

Но она зашита красными нитками. Я бросил курить больше десяти лет назад, когда ассистировал на родах у Машеньки и у нас появился Костя. Когда на свет появлялась Варя, тоже ассистировал и тоже перерезал пуповину.

Когда рождался Костя, присутствовал Марк Аркадьевич Курцер, и я спросил: «Можно перерезать пуповину?» Он взял пуповину в два зажима, дал мне ножницы и говорит: «Ваш ребенок, что хотите, то и делайте».

Я взял ножницы и... она с таким хрустом шла, как, может, когда режут очень крепкую кожу. И после этого мне больше ни разу не захотелось закурить.

Вообще, я не просто присутствовал при обоих родах, но и отвечал за левую сторону. То есть я держал Машину левую руку – это была моя зона ответственности. Я даже отснял роды, и получилось очень деликатно на будущее. И, кстати, сделал один такой план, которого я не видел нигде в кино. Я заснял вдоль ноги, как появляется ребенок. Это можно показывать детям и вообще кому угодно. Этот файл у нас есть до сих пор. То есть Костя и Варя могут увидеть, как они появлялись на свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.